

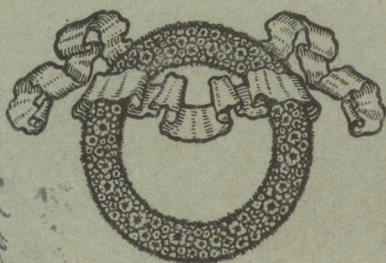
66.6

И 20

Б. Иванов

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ
СВЕРДЛОВ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
1885~1919

20204

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ

1921

862719 - ко

2K

9/2 900666

80 90

862719

Б. ИВАНОВ

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1885—1919

АРХИВ

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКА

г. СВЕРДЛОВСК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ * 1921

66.6

ЭКП
335.500
с 242
И-20

1880 586249 17

Изд. 1936 г. №

021651

1885 г.

335.5кн:92

В. ВЕЛНОВ

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ

СВЕРДЛОВ

15-я Госуд. типография. Звенигородская, 11.

1883-1919

АРХИВ

Напечатано в колич. 30.000 экз.
Р. В. Ц.

КО

Страницы
утрачены

*Посвящается Центральному Комитету
Коммунистической партии,
потерявшему одного из незаменимых
активных работников—*

ЯКОВА МИХАЙЛОВИЧА СВЕРДЛОВА

*И мнится нам, пройдут дни, месяцы и годы,
И нас, друзей твоих, сравняет всех земля,
Ты-ж будешь вечно жить в легенде, страж свободы,
Бессменный часовой у Красного Кремля.*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РЕЧЬ ТОВ. ЛЕНИНА

на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, посвященная памяти умершего Якова Михайловича Свердлова.

— Товарищи! В день, когда рабочие всего мира чествуют героический подъем Парижской Коммуны и ее трагический конец, нам приходится хоронить тов. Я. М. Свердлова.

В ходе нашей революции, в ее победах, довелось тов. Свердлову выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было, самую сущность пролетарской революции. В этом в большей степени, чем в беззаветной преданности его делу революции, заключается значение его, как вождя пролетарской революции.

Людам поверхностным, нашим врагам, людям, колеблющимся между революцией и ее противниками, больше всего бросается в глаза решительная, беспощадно-твердая расправа революции с эксплуататорами и врагами трудового народа. Без революционного насилия пролетариат, конечно, не смог бы победить, но нет сомнения, что революционное насилие является необходимым и законным лишь в определенных условиях, а гораздо более существенным в революции и условием ее побед является организация пролетарских масс. В этой организации заключается глубокий источник ее побед.

Именно эта сторона пролетарской революции и выдвинула в процессе борьбы своих вождей, воплотивших особенность пролетарской революции—организацию масс. Эта черта пролетарской революции и выдвинула тов. Свердлова, который прежде всего и больше всего был организатором.

Товарищи! Нам, русским, особенно в тяжелые времена продолжительной, мучительной и непомерно-долгой подготовки революции, приходилось больше всего страдать от расхождения между

теорией, принципами, программой и делом. История нашего революционного движения в течение многих десятилетий знает людей, преданных революции, которые, однако, не могли найти практического применения своим революционным идеалам. Лишь пролетарская революция дала настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию. И здесь более всего проявляются те вожди, которые сумели завоевать себе выдающееся место, как практики - организаторы. Такое место по праву занимал тов. Свердлов.

Если мы посмотрим на его жизнь, то увидим, что этот замечательный организаторский талант выработался в долгой борьбе. Каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал он сам, переживши и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера-профессионала. В первый период своей работы—еще юношей, едва проникнувшись политическим сознанием, он целиком предал себя революции. Он порвал с семьей и со всеми привычками буржуазного общества и в течение долгих лет, меняя тюрьму на ссылку, а ссылку на тюрьму, закалял себя, как революционера.

Но этот профессионал-революционер никогда, ни на минуту, не отрывался от масс. Условия царизма обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятельность подпольную, нелегальную, но и в ней товарищ Свердлов шел всегда плечо с плечом, рука об руку с передовыми рабочими, которые, как раз с начала XX века, стали заменять своими рядами прежние поколения революционеров-интеллигентов. Именно тогда передовые рабочие выступили на работу десятками и сотнями. Они воспитали в себе ту закаленность революционной борьбы, не теряя вместе с тем крепчайшей связи с массами, без которых не могло бы быть успешной пролетарской революции.

Некоторые, чаще всего наши враги, или колеблющиеся люди, думали, что нелегальная работа—эта обязательная черта профессионала - революционера — отрывает его от масс. Но образец деятельности тов. Свердлова показывает, насколько ошибочен этот взгляд. Именно беззаветная преданность революции человека, прошедшего через многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки, создавала таких вождей, как тов. Свердлов, когда она сочеталась с умением разбираться в людях и налаживать организационную работу. Только она выковывала организаторские таланты. Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию мог тов. Свердлов притти к посту первого человека в первой социалистической республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс.

Товарищи! Кто работал со дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно, что его исключительный организаторский талант обеспечивал нам то, чем мы гордились с полным правом. Он обеспечивал возможность дружной целесообразной организованной работы, которая была бы достойна организованных пролетарских масс, той работы, без которой не могло бы быть успеха и которая всецело отвечала потребностям пролетарской революции.

В той кипучей работе, которую во время революции приходится вести революционерам, громадной ценностью является моральный авторитет, почерпнувший свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс. Если нам удалось в течение более чем года вынести те тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо и единодушно разрешать труднейшие вопросы, то только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководителей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы выработать в себе чутье практика и талант организатора, тот непререкаемый авторитет, благодаря которому целые крупнейшие отрасли работы В. Ц. И. К., которые под силу были бы лишь группам людей, вел единолично Яков Михайлович. Только ему удалось завоевать такое положение, что достаточно было одного его слова, и без всяких совещаний, без всяких формальных голосований вопрос разрешался раз-навсегда, и у всех была уверенность, что он разрешен так именно, как надо, что не только передовые рабочие, но и все трудящиеся массы сочтут это решение окончательным.

История всегда показывала, что великие революции выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными. Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который пользовался абсолютно непререкаемым авторитетом, организатор всей Советской власти в России и единственный по своим знаниям организатор работы партии, которая создавала Советы и практически осуществляла Советскую власть, совершающую теперь мучительно-тяжелое, кровью залитое, но победоносное шествие по всем странам всего мира.

Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности. Ни один из знавших Якова Михайловича

не может сомневаться в том, что в этом смысле товарищ Я. М. Свердлов незаменим. Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело.

Но пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников. На место людей, беззаветно отдавших свою жизнь революции и павших в борьбе, она выдвигает шеренги других, может быть, менее опытных, менее знающих, менее подготовленных, но людей, которые связаны с широкими массами и которые способны на месте ушедших крупнейших талантов продолжать их дело. В этом смысле я глубоко уверен, что пролетарская революция и в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариата и трудящегося крестьянства, которые дадут практическое знание жизни, и тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого нельзя идти к победе.

Память о товарище Я. М. Свердлове будет служить не только символом преданности революционера своему делу, не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами, с умением их направлять, но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариата пойдут все вперед и вперед, к полной победе коммунистической революции.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

о Якове Михайловиче Свердлове, о его жизни и деятельности.

I.

Мы живем в дни, когда на бранном поле за идеалы угасают тысячи и тысячи наших лучших борцов; но жизнь несет на смену новых заместителей, продолжающих дело своих предшественников. И как бы ни была тяжела утрата, понимаешь, что могуча сила пролетариата и ее не покачнут никакие потери.

Но все же, каким ударом явилась смерть того, кто постоянно, как пылающий во тьме факел, рука об руку с Лениным ~~и Троцким~~, стоял у руля Советской России, будучи выдающимся из ряда борцом!

Когда громкий и отчетливый голос Свердлова резал тишину зала или властно мирил разбушевавшиеся страсти, чувствовалась железная сила воли человека, властно толкавшего вперед, на борьбу, и мы тогда горячо любили нашего Якова Нижегородца.

Даже его с синим отливом кожаная куртка, брюки и гетры производили впечатление; он весь казался вылитым из стали, воплощая в себе образ вождя масс, окруженного дымом и грохотом заводов, проникнутого всем тем, чем живут широкие пролетарские слои, соединенные в коллективную семью, и с сердцем, в которое вложен стальной клин непримиримой ненависти к капиталистическому строю.

Без Якова мы не мыслили Советов; он был везде с нами, наш вождь и руководитель, и сейчас не хочется верить, что его уже нет с нами! Воля, настойчивость, хладнокровие и живая общительность с массами, глубокое понимание их психологии и их нужд, беззаветная вера в коммунизм, отсутствие всяких оппортунистических колебаний—все это было так в нем ценно, так не вязалось с мыслью, что вот оборвется эта драгоценная жизнь, и его вдруг не станет.

II.

Революция быстро изнашивает людей; но на Якове мало отразилась она с этой стороны. Он, ответственный работник, остался целым и невредимым на своем посту, наружно спокойный и сжатый, как стальная пружина, но всегда готовый развернуться для очередного удара буржуазному миру. «Стальным черным дьяволом» звала его буржуазия и не ошиблась в своем названии.

Эта стальная, поистине демоническая твердость в жизни и борьбе еще больше и рельефнее выдвигала его из состава Ц. И. К. и Ц. К. партии.

Начиная с самых высших постов революционной работы, простиралась его деятельность до тайников революционного подполья. Он был один из первых, бессменных, председателей Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и всех пяти Съездов Советов Советской России, один из самых активных организаторов партии,—и его знала из края в край рабочая пролетарская Россия.

Наша задача в этом очерке, как можно полнее остановиться на его революционной деятельности, ссылке, тюрьмах и на его личной жизни, рельефно отметив все стороны психологии товарища Якова.

Кипит жестокая гражданская война, тысячами уходят на фронты лучшие силы нашей партии, и каждый день приходят вести о гибели лучших сынов революционной России; трудно писать в такое время биографии и некрологи:—в этом трагизм русской революции. У ее участников нет даже времени подвести итоги жизни и деятельности ее лучших вождей, как не было времени у ушедшего в могилу Якова Михайловича хотя на время забытья от тяжестей борьбы,—и так всю жизнь! Но тем не менее нами кое-как выполнена предпринятая работа; и да простит нам тень Свердлова, если в нашей книге окажутся недочеты.

III.

Родина Свердлова—Н.-Новгород. Родился он в 1885 г. в еврейской семье ремесленника гравера. Семья Свердловых дала революционной России не одного только Якова Михайловича. Его братья—Вениамин, Лев и сестры Свердловы принимали

и принимают активное участие в революционной работе. Мать Якова умерла, когда он был в 5 классе гимназии. Отец пережил своего славного сына и ныне работает в одном из наших советских учреждений.

В юности Яков Михайлович выделялся из рядов сотен детей того квартала, где жил его отец. Еще с раннего детства кипучая натура маленького Якова проявлялась во всю ширь; его шалости и озорство не давали покоя жильцам дома, где обитали Свердловы. Но вместе с шалостями, неизменными спутниками детства, жила в ребенке жажда знания, и уже тогда в нем вырабатывался тип будущего деятеля. Было желание учиться и учиться; но гимназия, с ее казенным режимом, с ее коверканьем детской души, не могла удовлетворить юношу, ищущего путей к знанию, не скованному полицейскими рогатками педагогов; и не мудрено, что возник антагонизм между мальчиком и казенной муштрой людей, которых Чехов называл «людьми в футляре». Трудные материальные условия, с одной стороны, и конфликты с педагогическим персоналом—с другой, заставили Якова покинуть гимназию.

IV.

Усиленное чтение книг расширило его кругозор; и пламень борьбы, питаемый недовольством ко всей окружающей его жизни, захватил юношу. А между тем рос, с каждым днем становясь невыносимее, гнет правительства против всего того, что честно жило, мыслило и боролось.

Это время совпадало как раз с периодом широкого пробуждения рабочего движения: стачки уже начинали там и тут бороздить рабочее море России, и зрел тот грозный революционный шквал, который в 1905 году нанес первый сильный удар самодержавию.

Молодой Свердлов не мог остаться пассивным зрителем возрождающейся борьбы. Уже в ранней юности он вошел в живую работу активной помощи революции и революционному подполью. В мастерской отца юноша делал печати для паспортов, требовавшихся для подполья, а также служил делу связи партийных организаций.

Революционные волны студенческих демонстраций и стачек тем временем прокатились по России из края в край и докатились до Нижнего, где на 1 мая 1902 года была назначена демонстрация студентов и рабочих; но предупредительными мерами полицейских сил возможность ее была ликвидирована на этот день;

ее участники и инициаторы, не падая духом пред неудачей, назначили новую демонстрацию на 5-ое мая.

V.

Весело сияло весеннее солнце Покровки; бульвары и скверы были полны гуляющими. Среди весенней зелени городского сада собралась тесная группа рабочих и учащейся молодежи: много знакомцев по подполью, много будущих активных деятелей революции; и среди всей этой немногочисленной толпы смельчаков, человек в тридцать, выделялось юное лицо Свердлова. Глаза горели огнем отваги, движения были порывисты. Он жадно смотрел в чащу сада, не идут ли еще товарищи, и каждого новенького встречал с теплой любовью и нескрываемой радостью. Но сомкнулась группа, взвился красный флаг, победно зашелестел над толпою, а над зеленым простором сада прокатился рабочий гимн:

Отречемся от старого мира —

Отряхнем его прах с наших ног!

Сначала нестройные звуки под конец стали крепнуть и расти, дерзко нарушая обывательскую обстановку сада. Наряды полиции и жандармов живой лентой оцепили сад, и началась старая, всем знакомая, картина арестов и расправы.

Участники демонстрации были арестованы; арестован был также и юный Свердлов. Судебная палата осенью судила смельчаков и приговорила кого к тюремной сидке, кого к ссылке. Свердлов получил 6 месяцев тюрьмы.

VI.

В 1903 году Яков лихорадочно ведет активную работу среди рабочих масс Нижнего и Сормова. Тогда в Нижнем существовала партийная организация меньшевиков, во главе которой стоял Нижегородский меньшевистский комитет. Но Яков уже был недоволен половинчатой политикой меньшевиков и повел против нее идейную борьбу. Да и целый ряд рабочих групп, в свою очередь, не был доволен действиями местного комитета. Наиболее влиятельной группой была та, которою руководил рабочий Алексеев.

Усилия Якова сводились к слиянию всех этих разрозненных групп в одно целое, и Яков достиг своего: группы слились в единую организацию, существовавшую, таким образом, внутри меньшевистской организации. Образовался свой комитет, возглавляемый активной личностью Якова, и он уже решительно восстал против меньшевиков.

Время это художественно изображено Максимом Горьким в его, приобретшей мировую известность, книге «Мать». Живые лица ее—это все члены непримиримой большевистской группы и, читая «Мать» Горького, ясно видишь, как, при участии Якова, растут два непримиримых лагеря—меньшевизм, с его вождем Плехановым, и большевизм—с вождем Лениным.

Квартира на Покровке (семьи Свердловых) кипела скрытной жизнью подполья, хорошо знакомой многим тысячам русских революционеров. Здесь соединялись нити тайной организации, здесь плелась паутина революционных сетей для Сормова и Нижнего, здесь витал дух классовой борьбы, хотя кругом еще было темно, все спало под гнетом царизма, и нужна была воля сильных людей, чтобы прояснять окружающий мрак. Из этих людей более активные нам известны и сейчас. Таковы товарищи: Алеша, Алексей Иванович Рыков, Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, В. А. Десницкий, Д. А. Павлов и другие члены объединенных рабочих групп. Из членов семьи Свердлова тоже многие играли активную роль в жизни, работе и организации; но наибольшая роль принадлежала товарищу Якову. Он поражал непреклонностью своего характера и преданностью идеям тогда еще молодого большевизма, что отличало его в нашей партии и во всю его последующую жизнь.

VII.

Бесчисленное количество раз голос Якова гремел на рабочих массовках, митингах, когда затихали сотни и тысячи слушателей, и когда над сормовскими пролетариями выростало призывное пламя классовой борьбы, бросаемое в толпу этим черненьким, на вид небольшим, человеком; и наши сердца к нему тогда приковывались со всем пылом рабочего сознания.

Как председатель бурных собраний, где нужна была опытная рука руководителя, молодой Яков был незаменим. В своей многосложной и разнообразной работе, в гуще нашей партии, в то время, когда каждому члену организации приходилось одновременно быть всем и исполнять самые разнородные функции, Яков отличался спокойной методичностью и резкой определенностью точек зрения. Казалось, у этого юноши нет никогда и ни в чем никаких сомнений; он всегда знает, куда ведет его тяжелый революционный, полный опасностей, путь, и всегда твердо, не останавливаясь, он шел к намеченной цели.

В 1904 году имя Свердлова было уже хорошо известно широким массам рабочих Сормова и Нижнего, как известно было и

многим из прилегающих к Нижнему промышленных центров. Организаторский и ораторский талант настолько выдвинул Якова, как активную личность, что с ним стали считаться даже самые старые работники организации; его мнение выслушивалось внимательно партийной публикой и чаще всего проводилось в жизнь; но особенно любили его массы; он мог увлекать их, мог убеждать своими громовыми и страстными речами, и они готовы были идти туда, куда он их позовет; и лишь только его лохматая голова и пенсне на сгибе его носа показывались среди толпы, как сотни и тысячи голосов умолкали, в ожидании огненных речей молодого революционера.

С массовки на организационное собрание, а оттуда в партийные кружки, или на заседание комитета, или в обособленный уединенный угол, чтобы с лихорадочной горячностью написать там прокламацию или статью для партийного органа,—вот чем была наполнена и окрашена вся жизнь его в этот период.

Одновременно работая в Нижнем, он выезжает в Казань, в Кострому, в Саратов, где принимает деятельное участие в издании партийных нелегальных органов, более всего оседая в Казани: там выпуск партийной газеты лежал исключительно почти на нем одном. Параллельно, при его участии, шло еще создание и укрепление партийных организаций, росли многочисленные кружки, создавались районные и подрайонные комитеты, и Свердлов, неутомимый Свердлов, ткал, так сказать, нашу партию, завязывал связи с другими городами, переправлял литературу, рассылал агитаторов и работников во все места, где почва рабочего сознания воспринимала социалистические идеи.

VIII.

В 1905 году в Сормове вспыхнуло восстание; недавние рабы «сошли с ума» и возмели дерзость объявить рабочую диктатуру в пределах Нижнего и Сормова, но, конечно, были беспощадно раздавлены царизмом и его слугами. Достаточно поработали виселицы; пули полицейских вычеркнули из жизни многих смелых и сильных душой; тюрьмы, где шла кровавая расплата, являлись сплошным ужасом и издевательством над мучениками,—политиков умышленно сажали с грабителями и хулиганами, в расчете, что хулиганы жестоко отомстят недавним властителям, которые преследовали грабителей и насильников в те дни, когда рабочая власть была установлена в Сормове.

В Нижнем остались немногие; кто мог спастись, покинул пределы Нижнего и Сормова.

Охранное отделение оставило на свободе лишь немногих видных работников, с целью через них выследить нижегородскую партийную организацию и затем расправиться с ее членами.

Между оставленными на свободе был и Яков; но он даже и в этот момент не пожелал бросить опасный пост партийной работы, и, когда встал вопрос о партийной явке окружной организации, явка была устроена в квартире Свердловых.

Кто из старых партийцев не помнит маленького флигеля во дворе дома на Покровке, где была штемпельная мастерская отца Якова Михайловича? Являющийся заказывал себе штемпель, как требовала конспирация; и многим, даже очень многим, Яков делал никому не нужные штемпеля, иногда просиживая над этой бесполезной работой целые ночи после трудного, многодельного дня.

С каждым днем легальная жизнь становилась невыносимее; за Яковым следили так тщательно, что не было возможности уйти от зоркого ока шпииков. Стоило ему показаться на улицу, как мгновенно, по обеим сторонам тротуара, вырастали они. Но Яков, изворотливый и хитрый, как лиса, нередко скрывался от них на Балчуг—в темный, глубокий овраг, на дне которого настроено много ларьков, торгующих днем всякой рухлядью. Шпики не выдерживали этого места и покидали Якова, боясь угощения браунингом.

IX.

Дальнейшее жите в таком положении ясно говорило, что это игра кошки с мышью, и потому лучше было уехать из Нижнего. Яков скрылся в один из Поволжских городов, где продолжал строительство нашей партии. А после поездки на несостоявшуюся, по случаю декабрьской забастовки, партийную конференцию в Финляндии и после выступления в Москве на десятитысячных митингах в Аквариуме, пред декабрьским Московским восстанием, Яков появляется в пределах Урала, как уполномоченный Ц. К. партии, и начинает работать в составе Уральского партийного бюро, поставившего целью созвать общепартийный Уральский съезд.

Тут работа Андрея, как его тогда там называли, развертывается во всю ширь. Благодаря его железной энергии и организаторским способностям, ему удалось объединить вокруг Уральского бюро крупнейшие партийные организации Уфы, Екатеринбурга, Перми, создать губернские комитеты партии, покрыть Урал бесчисленным множеством заводских партийных организаций и положить начало широкой партийной кружковой работе во всех слоях рабочих масс Урала.

Весной 1906 года, после объединительного Стокгольмского съезда, на Урале разгорается борьба с эс-эрами, анархистами и меньшевиками, принимавшая иногда самый ожесточенный и страстный характер; и если дух большевизма был господствующим на Урале, несмотря на присутствие эс-эровских и анархистских сил, то этим Урал обязан, в значительной мере, блестящему организатору и такому же оратору, товарищу Андрею. Он был сильнее всех, всегда брал верх своими ясными, простыми и убедительными речами и, конечно, анархисты и эс-эры за это его ненавидели.

На огромных митингах, устраивавшихся анархистами и эс-эрами, председателем рабочие выбирали Свердлова. «Давайте сюда товарища Андрея!» гремела толпа. Участники и инициаторы митинга, смущенные требованием—так как Андрей их идейный противник—предлагали своих кандидатов, но буря гремела: «Андрея, Андрея». Андрея разыскивали, привозили; его черная лохматая голова с пенсне на носу появлялась в толпе. «Андрей, Андрей!» раздавались крики. Его рука давала знак к тишине и вниманию, и тысячи мгновенно умолкали. Его плавная, как сталь режущая пространство, речь смело и убедительно звучала в толпе, не желавшей больше выслушивать никаких речей противников большевизма и принимавшей резолюцию в его духе. Таким родом Яковом было сорвано множество анархистских, эс-эровских и меньшевистских митингов. А имя «Андрей» среди уральских рабочих масс стало окружаться ореолом любви и уважения.

«Давай Андрея, давай его сюда!»—ревели бородачи уральцы. «К оружию, товарищи!»—звал он их в ответ:—«рабочий должен не только быть сознательным и организованным, но еще должен уметь владеть оружием и иметь его при себе; вооружайтесь!»—и на его призыв, наперекор умеренным вождям меньшевистского лагеря, росли боевые и партийные дружины, готовые, в случае восстания, оказать делу реальную помощь.

Так-называемый «боевизм» Урала. Во многом обязан своим возникновением агитации и инициативе товарища Андрея.

X.

Красный Урал всегда будет помнить своего умершего вождя. Не по его ли призыву умолкали гиганты-заводы и складывали руки тысячи рабочих, или бушевало пламя вооруженной борьбы? Когда встал вопрос о посылке от уральских заводов представителя на объединительный Стокгольмский съезд, то был избран Яков Михайлович; но ему не пришлось уехать: рабочие Мотовилихинских заводов, просто-на-просто, его не пустили.

Нельзя измерить и рассказать всего того, что удалось сделать Якову Михайловичу на Урале. Его работа вписана золотыми буквами в историю основания и расширения нашей партии.

На Урале он жил на скудные средства по 10—12 руб. в месяц; когда он отдыхал,—никто не мог сказать. Небольшого роста, шупленький, в чем душа держится, со смолистой шапкой густых черных волос на голове, с вечно падающим с носа пенсне, в простых сапогах, шагает, бывало, Михайлович широкими, не по росту шагами с собрания на собрание. И везде, где ни появляется, везде первый своим зычным, тоже не по росту голосом, вливает во всех бодрость и уверенность.

XI.

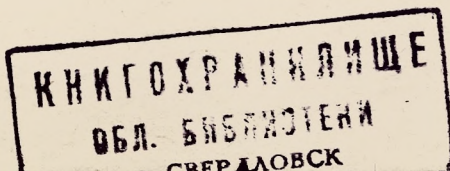
10 марта 1906 года, после тщательной слежки жандармов и сыщиков, «провалился» весь Мотовилихинский и Пермский комитеты партии, с группой пропагандистов в 54 человека. Царизм расправлялся бесчеловечно со своими жертвами; при арестах были страшные избиения; особенно жестоко был избит товарищ Чугурин. Все это напугало публику, отчасти и рабочих. Угроза тюрьмами и жестокой расправой заставила ее отстраниться от организации и от всяких сношений с ее активными силами. Но и сама организация представляла собою уже почти пустое место—полицейский ураган разрушил все, что было создано упорными трудами Якова и его сотрудников.

Вот тут-то и сказался, во всю свою ширь, неутомимый «Андрей». Он, разнообразно переодеваясь, ускользал от шпииков, появлялся то в одном месте, то в другом и убеждал упавших духом товарищей вновь начать работу; и незримо росли подрайонные и районные комитеты, возобновлялась связь с рабочими массами, и таким образом живая паутина партии вновь связала Урал.

Его, как Чугурина и многих других, могли избить до полусмерти, или просто пристрелить. Но Андрей не боялся и жил этими опасностями. Наскоро сколотив организацию, он работал уже в другом, но не менее опасном месте, устраивал массовки, где-нибудь в лесу, или в овраге, верстах в семи от селения, и звучала, как колокол, его стальная речь, когда он говорил о целях и задачах нашей партии.

Благодаря бдительности охранников Андрей, однако, был арестован, наконец, и заключен в Пермскую тюрьму, с причислением к делу Пермского комитета.

Я. М. Свердлов.

XII.

Урал потерял одного из самых активных своих деятелей, и это отозвалось щемящей болью среди десятков тысяч уральских пролетариев. Но если кипучая работа Свердлова на воле была задушена, то он продолжал вести ее, хотя и в меньшем размере, в стенах тюрьмы, сносясь с волей, и давал указания работающим на свободе товарищам, деятельно, кроме того, подготавливая к дальнейшей партийной работе попавшую в тюрьму молодежь из рабочих и учащихся.

Постоянною мыслью Якова Михайловича в это время было выбраться на волю и вновь уйти, со всем пылом своей молодой души, в активную работу расширения партии и в работу среди рабочих масс. Обсуждались планы побега, даже запасались пилками для решеток, подготавливалось все остальное, необходимое для побега.

А параллельно предпринимались меры легально выбраться из тюрьмы и объявлена была политическая голодовка с требованием ускорения жандармского следствия и передачи дела судебным властям. Но царизм заставил погаснуть на этот раз иллюзии о воле; Свердлова перевели из Пермской тюрьмы в мрачные Николаевские роты Верхотурского уезда и держали в одиночной камере до суда; судебная палата приговорила Якова к заключению в крепости на 2½ года.

XIII.

То жестокое время еще многие помнят; помнят ужасные условия тюремного заключения, помнят нагло торжествующих тюремщиков, слуг самодержавия, когда каждый день из стен тюрьмы получались вести о чудовищных провокациях, а на заднем дворе ее, то-и-дело, вешали или избивали людей до смерти или умопомешательства, что создавало у малодушных упадок и отчаянье, за которыми наступало ренегатство или полнейшая апатия ко всему, что недавно было заветной целью каждого из них. Личные дразги и мелочные ссоры терзали заключенных, шла разъедающая вражда, разоблачающий развал.

Только на фоне этого развала светлая личность Якова стояла выше всех других. Его лицо было всегда неизменно весело; он ко всем невзгодам относился легко и просто, с оттенком иронии. Ровный и спокойный, он, как гранит в жестокую бурю, отражал все, чем жизнь испытывала его.

Таков уже был Яков, что даже в самые мрачные дни реакции он верил в торжество революции и усиленно готовился к этому

моменту, работая над своим сознанием. При Якове в ротах начались жестокие истязания заключенных; с каждым днем тюремный режим все больше и больше ухудшался; обнаглели тюремщики, и вспыхнули массовые голодовки заключенных; но первая длилась три дня и кончилась компромиссом, а вторая—ровно неделю и не привела почти ни к каким результатам, если не считать решения администрации временно пока не трогать заключенных.

Неделю голодовки тов. Яков выдержал прекрасно; он был на ногах тогда, когда многие из товарищей лежали в полусознательном состоянии, и подбодрял колебавшихся не сдаваться. Но эта-то голодовка наиболее и расстроила его здоровье: осматривавший его врач весьма скептически отнесся к одному из его легких.

Свердлов впрочем считал, что бок у него болит, потому что он был избит в карцере надзирателями Нижегородской тюрьмы.

В неволе Свердлов никогда не терял жизнерадостности; он много читал, на что на воле у него совершенно не хватало времени. На прогулках заключенные играли летом в лапту, зимой в канавку; а в играх Яков всегда отличался невероятной ловкостью, выбираясь из самых затруднительных положений и нанося противникам самые неожиданные удары. Наиболее же счастливыми для Якова были дни, когда получались сведения о партийной работе на воле и об успехах нашего движения. Яков в этой области интересовался всем, запоминая каждую мелочь.

Уже тогда он удивлял многих своей изумительной памятью во всем, что было связано с партийной работой; знал наперечет всех партийных работников, знал партию, как свое собственное лицо. Это дало ему возможность со временем легко подбирать работников на ответственные посты Советской работы.

XIV.

Положение дел на воле не внушало розовых надежд. Было ясно, что революция на этот раз потерпела поражение, и тяжелая полоса реакции сгущалась над Россией. Надо было решать что-либо одно: или отсидеть положенные два года, или готовиться к побегу. Кандидатов на побег было тогда много среди товарищей, которым угрожала смертная казнь. С другой стороны, устраивать авантюру с побегом не было смысла—игра не стоила свеч. Товарищ Яков решил с группой других товарищей, получивших по году и по два крепости, в конце-концов, отбыть наказание, употребив это время с наибольшей для себя пользой.

Его перевели в Екатеринбургскую тюрьму, где он занялся изучением Маркса и философии. То время было для многих перио-

дом увлечения философскими изысканиями (эмпириокритицизмом), и Яков учился, пополняя свои знания и отдыхая в царском застенке; другие выходили из тюрьмы расхлябанными и разбитыми, жаждущими обывательского покоя, а он, как птица, выпущенная из клетки, полетел в тот же день в передовые ряды партии, чтобы за короткий промежуток времени, который может вновь отделить его от вторичного сидения за решеткой, нанести максимум ударов ненавистному самодержавному строю.

Выйдя в 1909 году из тюрьмы после 3 лет заключения, Яков не пал духом, как многие, а вошел в передовые боевые ряды партии; он не стал дожидаться революционной погоды вдали от угнетенной России, эмиграция не манила его; он знал, что здесь он будет полезнее, чем там, вдалеке, в чужбине, когда революционная буря вновь всколыхнет рабочие низы России. Взяв нелегальный паспорт и мандат Центрального Комитета, он работает, как агент, среди московских рабочих, организуя партийные организации и связывая воедино их работу.

Но едва выйдя из тюрьмы, после месячного периода, в декабре месяце 1909 года, он вновь был арестован, когда весь Московский комитет партии был схвачен неустанными слугами царизма.

XV.

На этот раз его сослали в Нарымский край, откуда летом 1910 года он бежал в Петербург, где принял участие в направлении работ фракции третьей Государственной Думы.

Тогда интеллигенция массами уходила из рядов активных сил, борющихся за революцию; это было слишком ясно и очевидно и вызывало озлобление в пролетариате.

Расцвела пресловутая махаевщина и тяжело отозвалась на рабочей организации, где жил живой революционный дух. Партийные центры были почти разрушены; в союзах и в рабочих клубах замечалось полное отсутствие интеллигентов. Проповедывали ликвидаторство, легализм, примиренчество с буржуазными элементами Чхеидзе, Гегечкори, Кузнецов и пр. вожди, сыгравшие позорную роль после февральского переворота 1917 года и еще играющие ее ныне при диктатуре пролетариата.

Яков явил собою бодрую и светлую активную силу, поставив работу фракции на более твердую позицию.

XVI.

Но недреманный сыск шпиков не дал покоя Якову и на этот раз.

В мае месяце он снова арестовывается и, после недолгого заключения, вторично высылается в Нарым.

Прибыв в Нарым, Яков через несколько дней уже приступил к работе. Живая кипучая натура его не позволяла ему сидеть, сложа руки; он читал лекции, подготовлял ссыльных рабочих к будущей революционной работе, писал статьи для партийного органа и, конечно, готовился к побегу из ссылки.

Насколько полиция считала его для себя опасным, говорит характерный факт: колония ссыльных в день похорон своих товарищей устроила демонстрацию, и было арестовано много участников. Но в числе арестованных очутился и отсутствовавший Яков Михайлович. На вопрос его: «за что? ведь я не был в это время в Нарыме!»—он находился в Колпашеве за 100 верст от демонстрации,—последовал ответ полицейских держиморд: «Мы знаем, что вас не было, да это ничего не значит, так как вы могли и оттуда руководить».

Продержав под арестом около трех месяцев, жандармы выпустили его и отправили в Нарым; и очевидно желая, наконец, получше изолировать Якова, его высылают в Максимкин Яр, самое гиблое место политической ссылки. Одна угроза Максимкиным Яром производила жуткое впечатление на ссыльных. Тут живут немногие остяки, несколько десятков самоедов, да пара русских семей, а пароход приходит раз в год, почта два или три раза в год. Жители—дикари, или полудикари, ни намека на сознательность и культурность, полное отсутствие книг, жуткое проклятое одиночество.

Кругом на тысячи верст—беспредельная дикая тайга, сибирские непроходимые леса; только дикие звери нарушают мертвую тишину могилы. От страшных полярных морозов дух захватывает; готово замерзнуть навеки все, что еще, так или иначе, не погибло в краю. Вспыхивают бледные сполохи северного сияния, ползут светлым веером по светлому северному небу; часами, днями, неделями, месяцами стоит изгнанник, замуравленный в могилу, и смотрит-смотрит на играющие по небу загадочные лучи.

XVII.

Необходимость жить и быть сытым заставляла Якова изощряться всячески в проклятом Яру; он давал уроки кому-то из жителей и лечил. Не имея совершенно никакой теплой одежды, он был принужден добывать себе пропитание поездками с дикарями на «рыбалку», т.-е. на рыбную ловлю; в одну из таких поездок под ним проломился лед, и он провалился в реку Кеть; его вытащили из подо-льда и, мокрого насквозь, при двадцатиградусном морозе

повезли домой за 15 верст. Представлял он собою обледенелую фигуру, полуживое существо, когда вернулся. Это зимнее купание жестоко отразилось на его здоровье; но железная натура Якова преодолела болезнь. В одном из писем к жене он так рисует свое жите-бытье:

«Где я проживаю (пишет Яков), Максимка является Остякской столицей своего рода: на «Вешнего» и «Осеннего» Николу съезжаются остяки со всех юрт по реке Кети, и около нее население нашего Максимки увеличивается тогда в пять раз и сейчас моя обстановка жизни такова: шум голосов больших и вой маленьких не прекращается ни днем, ни ночью, при том же масса пьяных. Ты знаешь, как симпатично я отношусь к ним. Не избегает участи моя комната и моя постель, куда забираются пьяные фигуры остяков. Лишь по утрам, когда мало пьют и храбрости мало, ко мне в комнату мало набирается; но дверь, то-и-дело, отворяется, показывается остякская физиономия, постоит, поглядит бессмысленным диким взглядом и вновь скроется за дверями. Так скверно, так скверно от них, хоть убегай. Но этого сделать нельзя, так как нет даже теплой одежды, а на улице 30 градусов морозу и потому поневоле сидишь дома, созерцая прекрасных остяков и остяток, описать безобразность которых я не в силах.

«Вот и сейчас их так много в моем жилье, что я с трудом могу тебе писать; грамотных очень мало, но каждый считает долгом посмотреть, что так быстро бегают перо по бумаге и так мало написано; вот и сейчас стоят и смотрят через мое плечо, как я пишу».

Эти несколько строк из письма дают понять лишь о ничтожной частице того, что приходилось испытывать Якову. Один среди дикарей, один с осмысленным взглядом на жизнь, а кругом почти первобытные люди! Самое мучительное для человека, и такого человека, как Свердлов, привыкшего к кипучей общественной жизни, отдавшего для этой жизни все, что есть для человека дорогого, свою жизнь и свою волю, жить в таких мертвящих условиях!

Иногда это все, даже в сильной стальной душе Якова, прорывалось живым, стонущим упреком судьбе. В другом письме он пишет жене:

«Мучительно тоскливо; далеко, далеко. Нахлынет тепло, согреет, повеет лаской, вижу глубокий милый взгляд родных глаз, сожмется сердце, чуть не слезы на глазах, слышится острая тоска и боль, захватывающая уже радость: и есть расстояние, и нет его. Несчастье—такое настроение! И утомляет оно! Много огня и сил душевных берет; и как-то пусто внутри: как будто кто-то тебя выпотрошил».

Нужно было быть Свердловым, чтобы это являлось не часто, а было лишь мимолетным переживанием. Вообще Яков считал для себя преступным тосковать. Еще одно тоскливое, полное жалоб, письмо он заканчивает уже бодрыми словами:

«Пишу и не уверен, дойдет ли данное письмо, и при этом отправляю его менее надежным путем, чем прошлый раз. Неудивительно поэтому мое малое желание писать при этих условиях. Не первый раз начинаю писать и бросаю; это может быть, не dokonчу, не отправлю этого письма. Ты понимаешь меня родная. Я не хнычу; бодрости не теряю, но озлобленности понемногу прибавляется; против этого я почти бессилен. Представь мое положение; в жалкой лачужке, которую трудно назвать комнатой, я изолирован почти от хозяев; с маленькой семилинейной лампочкой, лишенный многих почти элементарных удобств, без малейших намеков на товарищескую среду, среди морально убогих жалких людей, без книг, без газет, без писем. Право же, детка, тяжело! Взвесь все это и пойми, что иногда прямо-таки не могу писать. Рука не поднимается. А вместе с тем я не унываю, не хандрю. Тысячу раз повторяю, что не потерял обыкновенной бодрости, а пожалуй, и жизнерадостности. Тебе кажется это противоречивым, а между тем это так, как я пишу. Было бы иначе, если бы не столь пуста и бессодержательна была моя жизнь здесь. Даже читаю мало; но немного исполняю физическую работу, что дает физическую усталость; хожу, пока устаю; мало, сравнительно, копаюсь в своем положении, ибо, по-старому, исхожу из факта. Раз это так, нечего и говорить; ну, да не беда, проживу. Бодрость и энергию сохраняю, не растрочу на борьбу со своим настроением, своих сил для них найдется».

XVIII.

В течение шести месяцев пребывания в Максимкином Яру Свердлов совершил пять неудачных побегов: естественные природные условия заставляли его быть пленником царизма.

Но все же одиночество, отсутствие теплой одежды и много другое свалили железную Якова. Он тяжело заболел, за невозможностью местного уха, за ним, его опять привезли Нарым.

Но слуги царизма жестоко ошиблись, думая напугать Якова, познакомив его с „прелестями“ Максимкина Яра, и отбить таким образом у него охоту бороться с самодержавием. Эту ненависть к самодержавию не могли бы заморозить даже льды Северного полюса.

Через месяц Свердлов бежал из Нарыма, воспользовавшись для этого лодкой-душегубкой, на которой он поплыл по Оби до парохода. Дело было в сентябре 1912 года, когда Обь бывает особенно сурова и опасна своими бурями. Поднялся страшный ветер, погнал утлую лодчонку Якова, бросая ее из стороны в сторону, как щепку, и, наконец, опрокинул. Свердлов стал тонуть, но не далеко находились рыбаки, которые поспешили к нему на помощь и вытащили из воды. Они же неводом поймали его потонувшие вещи.

Едва только просохла одежда, Свердлов снова пустился в бегство. Но неудачи преследовали его. Проехал он верст 100 и полицейские арестовали его на пароходе, снова отправив обратно в ссылку.

В скором времени приехала в ссылку жена Свердлова с ребенком, и это страшно обрадовало администрацию. Думали, что теперь он уж больше не убежит и примирится со своей участью; но через неделю Свердлов уже ушел и, если псы самодержавия проворонили его в Нарыме, зато другие, лучше выдрессированные борзые, поймали его в Питере на партийной работе.

XIX.

Много было злорадства у томских жандармов, когда Свердлов очутился вновь в их лапах. Они добивались от него честного слова, что он больше не убежит из ссылки; но Свердлов, конечно, отказал негодяям, подчеркнув, что революционеры презируют самодержавие и его слуг, и честное слово революционера для них являлось бы величайшим позором и пощечиной всему тому, во что верил и боролся Свердлов. Ответом на их предложение была, напротив, усиленная работа Якова среди ссыльных.

Живя в Порабели, пустынном селении Нарымского края, на расстоянии 30 верст между Колпашевым и Нарымом, Свердлов регулярно один раз в неделю ездил читать лекции местным колониям ссыльных Нарыма. Эти тайные поездки на лекции устраивала группа ссыльных, жившая с ним в Порабели, и Яков ускользал от ока полицейских для пропаганды социализма.

Вновь Яков бежит, и удачно. Он появляется в Петербурге в период начинающегося подъема 1912 года, работает в бюро большевистской фракции четвертой Государственной Думы и принимает деятельное участие в партии, организуя и восстанавливая ее аппарат; но, выданный провокатором Малиновским, он был арестован в ночь на 10 февраля 1913 г. на квартире депутата Петровского и выслан в один из отдаленных пунктов Туруханского

края; это на самом полярном круге; там он проводит около трех лет, и лишь февральская революция (1917) вырывает его из лап паризма.

Несколько подробнее остановимся на жизни его в Туруханской ссылке; этот период всех свежее сохранился в моей памяти.

XX.

Когда челдонская лодка после пятинедельного пути по бурному и могучему Енисею высадила меня на берег Туруханского края, в станок Монастырское, я знал еще по дороге, что там живет Яков Михайлович. Старые ссыльные завидовали мне, что я увижу Свердлова и буду с ним жить поблизости. Из приветов, отовсюду посылаемых Якову от ссыльных, было ясно, с каким уважением относится к нему Енисейская политическая ссылка.

Когда моя нога ступила на твердую почву забытого у полярного круга уголка земли, за беспредельными стенами лесной глуши и мощным разливом величественного Енисея, я первым делом отправился разыскивать Свердлова. Разыскал. Шумно закипела беседа, на столе появился чай, а я подробно рассказывал Якову, что делается в рабочих центрах. Мой отъезд из Петербурга совпал с днями, когда в широких кругах рабочих масс поднят был вопрос об общей забастовке и горячо обсуждался на партийных собраниях, на массовках и на митингах летом 1915 года.

«Я знал,—сказал Яков,—что это так; и так должно было быть. Мировая война, как результат жадного господства буржуазии, как погоня за захватом новых и новых рынков для капитала, является преддверием к могучему мировому вихрю революции, неизбежный ход которой есть вопрос лишь недолгого времени. Крах Второго Интернационала не явится задерживающим фактором; массы опередят своих вождей; их гонит на это ужас самоистребления в мировой бойне, голод, дороговизна и безработица».

Я стал перечислять заводы, где вспыхивали стачки: Лесснер, Парвиайнен, Айваз, Эриксон, Металлический, пекарей и прочих профессий—и в глазах Якова вспыхнул яркий огонь. Невольно подумал я, что Якова ожидает завидная доля, и мне казалось, что он уже мысленно унесся туда, в эти корпуса заводов, в лесную чащу, на рабочие массовки, в тот нелегальный лабиринт партийной работы, который закалил души многих тысяч русских революционеров.

Как поставлена работа в районах? Насколько близка организационная связь с массами? Есть ли работа в армии и про-

являются ли ее реальные результаты?—засыпал он меня вопросами, быстро шагая по комнате, затягиваясь папирсой и иногда поглаживая черные кудри своих волос.

А за окном стлался дремучий сибирский лес, и холодное желтовато-золотистое солнце Туруханска склонялось к западу, за ширь могучего Енисея, отделявшего далекий Туруханск от шумных центров революционной России.

Долго в этот вечер мы говорили с Яковым, и сразу с этой первой встречи у меня сложилось и окрепло чувство горячей дружбы ученика к своему учителю.

В тот же день я перезнакомился с Туруханской колонией. Не велика она была—человек 12, считая и тех, кто был разбросан по другим станкам, каковы: Селиваниха, Курейка, Верхне-Имбацкое, Подкаменнотунгуска. Всего огромный край, своей территорией в четыре раза превосходящий всю Германскую империю и в двадцать раз Сербию, заключал в своих лесах и тундрах около 25 человек политической ссылки.

Вечером я посетил ссыльного Сурена Спондаряна.

Спондарян сыпал, как градом, словами, и видна была в нем глубокая вера и преданность революции. Мне понравился этот кавказец, полный порывов, полный внутреннего огня, горевший пожаром мысли, между тем как чахотка и мертвящая обстановка толкали его все ближе и ближе на край могилы. Но, при всем уважении к нему, я в нем не мог найти всего того, что было в натуре Якова. Вставал передо мной тип испытанного борца-мученика за революционные идеалы, но внешний и внутренний его облик был интеллигентский; и если и видел он рабочие низы, то не в таком масштабе, как тов. Яков, у которого во всем его облике, в разговорах и в психологии выявлялась натура чистокровного пролетария.

XXI.

В октябре, ноябре, декабре в Туруханском крае наступили ледяные морозы. В сугробах снега, оторванное от всего мира, село Монастырское было пустынно и мертво. Сорокаградусные страшные морозы загнали нас в хижины. День блеснет, бывало, на час и быстро гаснет, а ему на смену идет тьма полярной ночи. Тогда разгорались лучи северного сияния. Их белые блестящие полосы, как волшебный веер, рассыпались по небу, скрывались и вновь сияли белые и светлые, или вспыхивали ярким снопом синих, белых и фиолетовых огней, а мороз потрескивал в стенах и еще больше напоминал нам и давал чувствовать его ледяное могильное дыхание.

В такие дни тоска змеей заползала в душу ссыльного, и казалось, что эти тундры и Туруханская тайга злорадно, в вое ветра и в треске морозов, насмеваются над пленниками царизма.

Но тоска бежала от Якова; он не скучал; лишь забрезжил рассвет, или еще темно, еще пять часов утра, а он уже на ногах. Набросив на себя свою неизменную рваную оленью парку, такую же оленью шапку и рукавицы, он выходил на морозный воздух и шел на метеорологическую станцию, вблизи дома (станцию заведывали он и его жена, Клавдия Новгородцева), узнавал температуру, движение ветра, количество выпавшего снега и прочие явления природы, записывал все в книгу и принимался за другое дело. Колот дрова, задавал корове сена (держал ее для своих детей), убирал навоз, топил печку, кипятил воду, приготовлял утренний чай. Часов в восемь вставали детишки, Адя и Верочка, и Яков превращался в семьянина. Сам мыл и одевал детей. Можно пожелать, чтобы было побольше таких отцов, каким был Яков. Часов до двенадцати или до часу дня он занимался потом с детьми местных жителей, двоим из них он давал платные уроки. Еще не мешает вспомнить, что Яков обладал искусством хорошо готовить кушанья и в этом отношении перецеголял всех наших туруханских хозяек, да и не одних туруханских. Только вечером, часов после шести, для Якова открывалась возможность сесть за чтение или за писание.

Вот почему, вечно занятый, ни минуты не сидевший сложа руки, Яков не ощущал в такой сильной степени мертвящей скуки ссылки. И невольно, глядя на него, сами мы переставали тосковать и заражались жизнерадостным чувством.

Тысячеверстные пространства отделяли нас от живых центров революции; но все же они не могли лишить нас общения с социалистической мыслью. Почта иногда приносила нам новости, и мы делились ими, как чем-то драгоценным. Желанными письмами для Якова были письма от Стасовой, от депутатов Думы—большевиков, от Каменева и от некоторых друзей по ссылке и работе.

XXII.

Из этих писем узнали мы, между прочим, о созыве в Циммервальде и Кинтаге Социалистических Международных конференций, положивших первые основы Третьего Интернационала. Словно прорезалась тьма окружающей нас ночи, и социалистическая даль вновь открыла для нас свои горизонты, затмив своим светом социал-предательский Второй Интернационал. Яков в эти дни бывал оживлен, как никогда.

«Заложены основы нового Интернационала, и я верю, он откроет новую эру в рабочем движении», говорил он. «Третий Интернационал должен быть чист среди той грязи социал-предательства, какая засосала Второй Интернационал, увлекшийся идеей защиты отечества для братоубийственной войны. Новый Интернационал спаяет в своих рядах все честное, все мыслящее из социалистической армии трудящихся, проникнутой принципами классовой борьбы. Будет война только гражданская», продолжал Яков.

И мне сейчас невольно думается, что Якову грезился уже будущий размах движения; мысленным взором он уже видел грандиозный аппарат Советов и подсобных им органов.

Темными зимними ночами, при тусклом свете лампы за страницами Гильфердинга («Финансовый капитал»), или изучая Маркса, Яков иногда долго думал, сидя за столом над раскрытой книгой, и, когда я, нарушая его сосредоточенность, просил его разъяснить мне из «Капитала» то, что не укладывалось в моей голове, Яков с улыбкой отвечал: «Нет, мой друг, «Капитал» это такая штука, что здесь прочитанное разом продумывается не в итоге ста и двухсот страниц, а в итоге нескольких строк, или много—нескольких страниц, так как две, три строки заключают мысли, нужные для развития их в целой книге».

Мертвящая обстановка ссылки, да еще такой, как Туруханская, не могла бы быть легкой для нас без участия и без работы тов. Якова. Яков оживлял ссылку, внося в нее оздоравливающую струю. Когда о созыве циммервальдской конференции стало известно подробнее, Яков прочел шесть лекций по истории Второго Интернационала, остановившись на причинах его краха, и две еще лекции—о задачах Третьего Интернационала, уже намечая канву будущего движения и базируя основу грядущей власти, главным образом, на диктатуре пролетариата без увлечения демократией, так как он в ней не видел реальной силы, могущей быть основным элементом в постройке социалистического общества.

Когда же бывшие на лекции эс-эры задали ему вопрос, почему им мало была оценена роль крестьянства при формировании нового строя, и земельный вопрос остался им мало освещенным, Яков ответил, что крестьянство, хотя и эксплуатируемый класс, по своей идеологии, однако, мелкобуржуазно и не может стать энергичной активной силой в новом строе; но надо надеяться, что пролетарские массы толкнут крестьянство в реальную борьбу за землю и волю, и лишь в процессе этой борьбы выдвинется из беднейшей части крестьянства активная сила. Земельный вопрос

и его разрешение будут иметь, в основе, уничтожение частной собственности на землю; а каковы формы наделения землей,—это уже детали, которые разрешат, по общему соглашению, пролетариат и крестьянство.

XXIII.

Яков читал лекции и учил нас. Но, кроме этого, он узнавал, какие силы таятся в нас скрытые и не замеченные нами, пользуясь для этого простой товарищеской беседой; расспрашивал, что нас интересует, и о нашем прошлом. Собираал сведения об отдельных личностях и о целых группах людей. Мне он помог начать одну из моих литературных работ, доказывая необходимость выполнения ее и считая, что, исторически изложенная, борьба и жизнь человеческих коллективов чрезвычайно ценная работа, и на ней учатся бороться тысячи и миллионы наших братьев.

Помню, когда я писал свою книгу, в морозные ночи суровой зимы, Яков заходил в мою хижину и справлялся об успехах моей работы. Я перечитывал ему написанное, а он подвергал его критике. Характерно, что эта работа и эти вопросы не интересовали прочую часть ссылки.

Покойный, трудясь в области политического воспитания ссылки, был не чужд и изучения самого Туруханского края в географическом и экономическом отношении. Тут проходит водная артерия, соединяющая Ледовитый океан с Сибирью. Он изучал звероловство и охоту края, добычу мехов, Туруханское и Енисейское рыболовство и вел статистику массового улова рыбы и ее экспорта; выяснял причины плохих уловов. На страницах Томской газеты «Сибирская Жизнь» не раз появлялись его корреспонденции и статьи об экономическом значении края, как места пушного промысла, добычи рыбы, неисчерпаемых запасов леса, залежей графита, угля, золота.

XXIV.

Корреспонденции Якова приподнимали по временам таинственную завесу над далеким Туруханским краем, с его самодуром и царьком приставом Кибировым.

В мертвой обстановке края в особенности невыносимы были издевательства над личностью ссыльных.

Яков первый возвышал свой голос против насилья, несмотря на то, что за ним был учрежден специальный надзор двух стражников. Когда в январские дни 1915 г. к нам был переведен с реки Ангара ссыльно-поселенец Некрасов, и его, по приезде в с. Монастырское, по приказу Кибирова, казаки и стражники избили

шашками и нагайками и топтали сапогами, а затем, окровавленного, бросили в санки и отправили на самый гиблый станок Курейку, находящуюся на полярном круге, товарищи взволновались, и в доме Якова собралась вся Туруханская колония ссыльных и послала телеграмму с протестом против избиения Некрасова на имя министра внутренних дел и Думской фракции депутатов социал-демократов. Наряду с первыми подписями под телеграммой стояла подпись тов. Якова.

В ответ на телеграмму самодур-пристав стал рвать и метать, иных ссыльных бросил на дальние гиблые станки, избитого Некрасова посадил в тюрьму, а за Свердловым и Спондарьяном установил усиленный надзор стражников и казаков.

Произвол, конечно, мог найти только защиту у зверских слуг тьмы и насилья, и царек Кибиров продолжал незаконничать.

Как в жизни ссылки т. Яков являлся центром, к которому тяготели товарищи, так и среди населения Монастырского и и проч. ближних станков хорошо к нему относились, знали его и уважали. Необходимо написать прошение по какому-либо судебному или иному делу,—и к Якову шли за советом. Он был то юристом, то врачом, то наставником, знал, как подойти и переговорить с темным чалдоном, с диким тунгусом и остяком; и, встретившись с ними, беседовал об улове рыбы, об охоте на зверей, об успешности промыслов и о плохом их житье-бытье; и житель полярного севера находил в Якове интересного собеседника, живого и любознательного человека, что близко связывало его с местным населением, и за это оно любило его.

XXV.

Мрачна была жизнь дальней ссылки, но не всегда. Случались дни или часы, когда ссылка забывала о своем изгнании. На Рождестве, на масленице и на Пасхе, даже Яков забывал политику.

В неказистом театре села Монастырского труппа местных любителей артистов ставила свои спектакли и устраивала вечеринки. Тут мелькали и живописные наряды тунгусов и юраков, и лохмотья остяков, и костюмы полугородской чалдонской молодежи. Местный оркестр грядет плясовую—и публика бывало мнется, стесняясь первая открыть танцы. Но Яков уже кричит: «Ну, так и есть, открою!» и начинает выделывать ногами какие-то кривули, похожие на танцы. Публика смеется, но его смелость сделала свое дело. В плясовой круг входит партнер Якову—и буйное веселье охватывает толпу. Яков прыгает, скачет и вертится вьюном. Кон-

чилились танцы, он собирает хоровод, заводит игру в фанты, и его голос господствует над толпой, и его смех звучит везде.

Эта черта—не скучать—была врожденная у Якова.

Вот Яков на трех собаках, запряженных в легонькие санки, мчится в глушь по лесной дороге. Мелькают мимо него ели, кедры, пихты; морозный воздух щиплет лицо; заливаясь громким лаем, бежит собачья стая, чувствуя руку хорошего ездока. Иногда на этих же санках Свердлов катал своих детишек, Адю и Верочку.

Или вот тесная семья ссыльных устраивает в доме Якова товарищескую беседу с чаем и сахаром. Весело улыбаясь, сидит за столом ссыльный Голощекин, сыплет шутками и смешит. Облокотившись своими большими руками, сидит ссыльный Баград, тот Баград, которого хорошо знала Сибирь, временно задущенная потом Колчаком; известен он был, как блестящий оратор и лектор. В качестве красного заложника, он был расстрелян впоследствии верными слугами Колчака.

«Товарищи!» раздается, бывало, его громкий голос, заглушая всех нас, и его речь льется пламенными, равномерными волнами. Он рассказывает нам о рабочем движении в Англии, Австрии, Швейцарии и пр. государствах Европы, где он жил и работал. Смолкает речь, и грузная фигура Баграда как бы вновь вырастает в стул, где он сидел.

Его дополняет Яков и на выводах Баграда о Западе строит свои заключения о России и о тех перспективах, какие встают пред революционными борющимися партиями. Его речь льется, бьет, как молот по наковальне, зажигая в нас веру в будущее социализма.

Но кончился диспут. Толпа ссыльных—кто на лыжах, кто просто так, в оленьих бокарях (сапогах)—выходит на морозный воздух в полярную ночь и углубляется в чащу северного леса. Забыты разговоры о политике, и Яков снова—тот Яков, который любит эту дикую чащу, эти светлые звезды темной ночи, эти радужные сполохи северного сияния, рассыпавшиеся веером по небу, погасавшие и вновь загорававшиеся.

«Какая глушь, какой простор!» восклицает он и, как бы ему в ответ, ссыльная Валентина натягивает «Варшавянку». К ее голосу присоединяется голос Голощекина, затем голос Якова, а за ними голоса всех; и мотивы гимна катятся красивыми волнами в дикой глуши Турханского леса, спугивая уснувших белок, зайцев, горностаев, лисиц и наполняя тайгу призывами борьбы.

Но полярный мороз щиплет нос, уши, забирается под оленьи паркы и гонит всех назад.

«Друзья, пора чай пить!—приглашает Яков.—Шпики оставили нас в покое, живи свободно, айда домой!»

Эти вечеринки и беседы с чаем и хлебом заставляли нас забывать иногда тяжелые условия ссылки. Спасибо Якову. Он связывал нас узами приязни.

XXVI.

Мобилизовали Туруханскую ссылку. В двенадцать саней запряжены были сытые чалдонские лошади и стояли посреди села Монастырского, приготавливаясь к отъезду.

Ссылные знали, что, несмотря на все отвращение к войне, куда их гонят; открывается для них возможность работать в войсках, под революционными лозунгами, и способствовать прекращению безумной бойни. Толпа жителей и ссылных провожала отъезжающих.

Мы уже сжились с этими обветренными лицами рыбаков-чалдонов, с лохмотьями остяков и с этой обстановкой и жизнью мертвого края. У моих саней стоял Яков. По выражению его лица было видно, что ему грустно было расставаться с нами; его тянуло к себе даль, открывающая возможность широкой и большой работы среди солдатских масс; и ведь никто из нас не знал, что через пять или шесть месяцев разобьются льды смертоносного царизма и вихрь февральской революции сметет трон кровавого Николая, а мы, солдаты, встанем во главе воинских частей и поднимем красное знамя революции.

«Мы встретимся там, в Петербурге, или где-либо в другом месте,—сказал Яков.—Туруханск меня долго не продержит, увидимся и поработаем».

«Пора трогаться в путь!»—закричал толсторожий урядник, и ему вторил старший стражник Кравченко, сопровождавший нас.

«Друзья, на прощанье грянемте Варшавянку!»—раздался голос молодого ссылного анархиста Улановского, почему-то не взятого в солдаты и завидовавшего нашему отъезду, и бодрый напев Варшавянки раздался в морозном воздухе села.

Тронулись санки, и толпа, с пением рабочего гимна, пошла к обрыву Енисея, где сани должны были спуститься на лед. Молча следовала за санями толпа рыбаков, жителей села, внимая могучему и смелому напеву гимна. Удивленные, растерявшиеся, шли в толпе стражники, казаки, урядник и помощник начальника края.

У обрыва Енисея замерли последние слова песни, мы сели в сани, я пожал крепко руку Якова, и санки быстро полетели по Енисею, а Яков долго стоял у обрыва, глядя вслед удаляющимся товарищам.

XXVII.

Когда совершился февральский переворот, нашедший свой отклик в Сибири в марте месяце, общее собрание солдат 14 Сибирского стрелкового полка отправило приветственную телеграмму и деньги, собранные между солдатами, Туруханской ссылке и отдельную телеграмму тов. Якову.

В Туруханском крае известие о революционном перевороте, о свержении ненавистного царизма вызвало в колонии ссыльных не только радость победы, но и глубокую тоску по далекой революционной родине. Больше всех, говорят, это было заметно на Якове: он жаждал сейчас же быть в России, быть полезным восставшему народу; он знал, что каждая минута промедления породит лишь новую возможность упрочения меньшевистского господства, а потому рвался скорее туда, к работе в низах, на борьбу с Гвоздевыми, Чхеидзе и прочими героями, желавшими создать иллюзию гражданского мира между пролетариатом и буржуазией.

И не даром Яков торопился: он не ошибался в своих догадках; меньшевистская проповедь находила отклик в рабочих массах и в огромной части войска.

Наступающая весна уже сулила близкое вскрытие Енисея, и медлить нельзя было ни минуты, иначе распутица могла бы захватить Свердловского месяца на три.

С опасностью быть застигнутым ледоходом, Свердлов с несколькими ссыльными поехал из Туруханска, днем и ночью совершив около 2.000 верст на лошадях по льду готовой уже вскрыться реки.

Его путь лежал мимо Красноярска, революционного центра Западной Сибири.

XXVIII.

Среди руководящих кругов партийной красноярской публики, членов социал-демократической организации большевиков, наметились два основных течения; одно из них—большее—имело на своей стороне много известных ныне имен советских работников; иные, правда, уже погибли, расстрелянные в Сибири Колчаком, каковы, например, тов. Дубровинский, Зелтен и др. Эта часть течения признавала безраздельно необходимость созыва Учредительного Собрания, считая возможным сотрудничество с меньшевиками и правыми эс-эрами, а меньшая часть во главе с Шумятским, тов. Яковлевым, Белопельским, Медведевым, Джаровым и др. выступала против тех товарищей, стоя за диктатуру пролетариата и крестьянства и раз-

вертывая борьбу за нее немедленно. Эту фракцию товарищей Красноярский комитет партии называл не иначе, как анархо-максималистами и призывал их к партийной дисциплине. Но среди возвращавшихся на родину политических ссыльных, проезжавших через Красноярск, появился тов. Яков. И что же? Его трехдневное пребывание в городе окончательно определило работу нашей группы.

Нужно сказать, что лозунг «диктатура пролетариата» (диктатура рабочих советов) был слишком еще нов, он еще ясно не был сформулирован, и определен руководящими кругами партии. Пользуясь приездом Якова, наша партийная группа собралась и изложила ему, как члену Центрального К-та партии, свои взгляды на текущий момент и на тактику партии в предстоящей работе. В небольшой, сжатой, красочной речи, Яков, как человек дисциплины, нам не сказал, что наш лозунг, действительно, может разделять наша партия, но подчеркнул все же, что его необходимо проводить в жизнь. Хотя вопрос еще и не был решен в Ц. К. партии и говорить от имени Комитета он не мог, но лично он думал, что наша группа права, так как все прошлое стоящего у власти Временного Правительства ясно показывает что пролетариату хорошего ожидать от социал-соглашателей не приходится. Наша же задача, как партийного ядра, работать, не входя в острый конфликт с Красноярским комитетом партии и пока не отделяясь от него.

На общем собрании Красноярского Совета Раб. и Солд. Деп., когда происходили выборы на первый Съезд Советов, Свердлов в получасовой речи указал, что задача пролетарских советов—занять непримиримую позицию по отношению к буржуазии, развернуть широко пролетарские лозунги и забыть о всяком соглашении с буржуазными элементами и социал-соглашателями. Он требовал также агитации за прекращение настоящей войны и за переход к широкому преобразованию государства на основе захвата всех средств и орудий производства, земли и изъятия всего этого из рук частных собственников.

Речь Якова смешала карты наших противников по партии и подняла наш авторитет на должную высоту.

После отъезда Якова наша группа стала шириться и расти и даже приступила к изданию областного органа «Сибирская Правда», стоящего на платформе диктатуры пролетариата и крестьянства и впоследствии превратившегося в орган Красноярского комитета и некоторых городов Сибири, прилегающих к Красноярску.

А когда жизнь обнаружила все вероломство буржуазии,

меньшевиков и эс-эров, большевистская организация в Красноярске вся встала на нашу платформу, и приезд Свердлова остался светлым пятном на фоне ее работы.

Вообще же не даром революционный Красноярск стал известен и памятен всей Сибири и России, как наш Красный Петербург.

XXIX.

Яков, вернувшись в Россию, сразу же натолкнулся на реальное противодействие меньшевиков, бывших тогда господствующей правительственной партией. Задачей большевиков было поднять классовое самосознание рабочих масс и широко и активно работать в армии и крестьянстве, агитируя за необходимость перехода всей власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Если Яков Михайлович в дни мрачного царизма не знал отдыха, то в этот период он еще больше ушел в работу. Кто не помнит митингов по фабрикам и заводам и казармам, где он выступал с горячей проповедью большевизма? Кто не помнит многоядных собраний, на которых он читал лекции рабочим и солдатам?

Кроме пропагандистской работы, он играл руководящую роль в секретариате Центрального Комитета партии. Это время накопления большевистских сил характерно тем, что в рядах партии тогда было слишком мало опытных и старых работников; иные еще были за границей, не успев выехать в Россию, иные только возвращались из ссылки и каторги, другие еще недостаточно определили свои взгляды по отношению к задачам партии большевиков на первых шагах ее борьбы за диктатуру пролетариата.

Но уже ко времени приезда товарища Ленина из-за границы наша организация вела за собою многочисленную армию рабочих и солдат, тайвшую глубокую ненависть к буржуазно-меньшевистско-оппортунистическому правительству Керенского.

Собирались наши силы, а Яков не знал колебаний: он был всегда на своем месте для борьбы за партийные лозунги.

Он активно участвовал в руководстве работами многих съездов и конференций, как партийных, так и профессиональных союзов, и неуклонно проводил непримиримую линию большевизма, подготавливая массы к активному выступлению на борьбу за власть советов.

XXX.

После июльского выступления начались аресты наших лучших работников: ~~Брагин~~, Крыленко, Луначарского, Колонтай и

целого ряда наших других. Товарищу Ленину удалось избежать ареста, только благодаря тому, что он был скрыт от агентов Керенского, Церетели и Чхеидзе некоторыми нашими товарищами. Чудовищная провокация и шельмование нашей партии открыто проводились, как на собраниях, так и в буржуазной и меньшевистской прессе. «Бей большевиков!»—вот, что носилось в воздухе; и лишь благоразумие товарищей, не отдавших Ленина в руки судей Керенского, спасло его от смерти, может быть подобной смерти Либкнехта.

Когда на партию ополчилось Временное Правительство и вся республика, когда разгромлены и уничтожены были рабочие газеты и шли аресты, неутомимый товарищ Яков неизменно вращался среди рабочих, принимал самое деятельное участие в работах на партийном съезде, вновь выступал на митингах и собраниях, организовал нашу партийную печать, незримо ткал и создавал аппарат партии. Кошмар чудовищной провокации, наконец, рассеялся, и массы убедились, что их обманули. Яков принял прямое и деятельное участие в избирательной кампании в Петербургскую думу, где списки меньшевиков и прочих партий терпят позорное поражение, и дума превращается в большевистскую.

Великие дни назревания Октябрьских событий, знаменательно-памятные заседания Петербургского Совета, его постепенное полевение, Государственные совещания, Московское и Петербургское, и вместе с тем безумное продолжение войны, все это шаг за шагом подготовляло гибель правительства соглашателей.

Лихорадочно кипела между тем работа в Ц. К. нашей партии; плелись нити заговора к захвату власти. Десятки и сотни товарищей приходили к нам за директивами, фигура Якова мелькала в секретариате, отдавались величайшие важные поручения его ровным и убедительным голосом. «Передайте Т . . . му комитету партии, чтобы, при опасности со стороны войск Керенского, была взорвана и уничтожена железная дорога. А К . . . кому комитету, чтобы непременно узловым участком дороги, телеграф и телефон были заняты нашими частями». В словах Якова звучала стальная воля.

«Ставка Керенского будет бита», говорил он, «а мы встретимся, надеюсь, в республике советов», заканчивает он свои слова. Получивший поручение уходил, ему на смену шли новые товарищи, и, таким образом, незримо организовывалось восстание, долженствовавшее передать власть в руки пролетариата.

XXXI.

Восстание началось, горели бои с остатками юнкерских шайк Керенского, заседал съезд советов, работал революционный комитет, и фигура Якова, как члена совета, рельефно стала выделяться на фоне этой беспримерной работы. Говорят, что, при всей стальной твердости других, они во время работ комитета от усталости сваливались со стула после долгих бессонных дней и ночей. Однако же Свердлов не сваливался, а оставался на ногах и продолжал работать. Когда в решающий момент борьбы за власть в рядах передовых вождей появилось колебание и из состава правительства вышли Рыков, Каменев, Луначарский и еще некоторые, то это несколько не повлияло на Свердлова: попрежнему, стальной и решительный, был он верен тем задачам, какие ставила себе пролетарская революционная армия, и потому, не умаляя заслуг других, можно твердо и определенно сказать, что в момент переворота он был одним из наиболее активных помощников нашего вождя В. И. Ленина.

Власть советов восторжествовала, и Яков занял ответственный пост председателя Центрального Исполнительного Комитета советов.

Все крупные мероприятия государственного и партийного характера совершались по инициативе или при ближайшем участии Свердлова. 5-го января 1918-го года он открыл заседание Учредительного Собрания, и ему же партия поручила огласить Декларацию Прав Трудящихся. Кто не помнит блестяще произнесенную речь Свердлова на этом заседании? В белых стенах зала под его сводами впервые были провозглашены призывные заповеди трудящихся, вещающие о новых счастливейших страницах в жизни людей, доселе угнетенных властью имущих.

XXXII.

Вскоре Свердлов заодно с другими .принялся за тяжелую работу строительства советской России, работу, оцененную всей Россией, и стал бессменным председателем Всероссийских съездов советов и председателем Центрального Исполнительного Комитета всех созывов.

Помню, как после речи истерички Спиридоновой на пятом Всероссийском Съезде Советов лево-эс-эровская часть съезда с шумом и криком ушла из заседания, чтобы продолжать начатое дело заговора против советов. Стальной голос Свердлова, покрывая поднявшийся шум, заявил: «Фракция левых эс-эров покинула заседание съезда; съезд советов продолжает работать».

Характерные и величавые в своей простоте слова, подчеркнувшие силу и власть пролетариата и слабость и беспцветность лево-эс-эровской группы.

Во многих наиболее важных государственных вопросах, когда задача разрешения являлась очень сложной и ответственной, ее возлагали на Свердлова. Нужно было склонить белоруссов к самоопределению и соединению с Литвой,—и был послан для этого Свердлов. Важная политическая миссия на Украине поручена была Свердлову. Если Ленин—мозг нашей партии, если ему бесспорно принадлежит исключительная часть идейно-политического руководства и направления партийной работы, то товарищ Свердлов был как бы правой рукою партии. Наличие блестящего организатора-практика при изумительном вожде-теоретике обеспечивала партии огромный успех, помимо других условий.

Чтобы построить рабочее государство, нужен не только энтузиазм масс, нужны и безошибочное руководство, знание недостатков прошлого буржуазного государства, знакомство с историей и с реальными факторами жизни.

Касаясь же мимоходом творчества советской власти, как пройти мимо той огромной работы, которую совершил Свердлов в деле создания первой конституции, или основных законов Советской России? При его ближайшем участии написаны все параграфы конституции, он был председателем комиссии по ее выработке, он проштудировал основные законы ее на бесчисленных заседаниях, он их продумал умом организатора, воспользовавшись для этого своим личным опытом и гениальными мыслями и теоретическими обоснованиями товарища Ленина. Прочитывая страницы нашей конституции, мы всегда будем помнить, что в нее вложен опыт и знание великого организатора и практика Свердлова.

А формирование различных государственных учреждений и регулирование их взаимных отношений? Все это происходило, большей частью, под руководством самого Якова Михайловича. Точно так же, в текущей советской работе на местах и в центре не было ни одного, более или менее, значительного факта, конфликта или недоразумения, которые не потребовали бы внимания Свердлова. Десятки, если не сотни, телеграмм поступали ежедневно на его имя с фронтов, из городов и сел с самыми разнообразными просьбами, сообщениями, указаниями, протестами. Почти всегда Свердлов немедленно делал соответствующие распоряжения, писал ответы, не имея даже личного секретаря. За день портфель его разбухал, и ночью до рассвета он продолжал работу у себя на квартире.

Но, помимо бумаг и телеграмм, ему приходилось много дела иметь и с живыми людьми. И столичные, и провинциальные гра-

ждане приходили в его кабинет с разными запросами и недоразумениями партийно-советского характера. Это общение с работниками, при изумительной памяти Якова Михайловича, сделало его истинной энциклопедией по части знания лиц. Можно было в любой момент спросить его о любом городе, и он без ошибки указывал, кто именно занимает там руководящие посты. И наоборот, в любую минуту о любом видном партийном работнике он мог дать точную справку, где тот находится, откуда приехал и что делает. У Свердлова было огромное чутье в определении людей и их способностей. И так как коммунистической партии приходилось брать власть при весьма ограниченных силах, то постоянной заботой руководящего центра было планомерное и целесообразное распределение партийных сил. Здесь-то благотворно и сказывался опыт и влияние Якова Михайловича.

XXXV.

Партия переживала победы и поражения, но никогда он не терял самообладания, выдержки и хладнокровия.

Сгорела драгоценная жизнь Свердлова. Бодрый и уверенный в своих силах, он ехал на Всеукраинский съезд советов, а оттуда, сделав дело, он возвращался в Москву. На лице его лежала печать усталости, воспаленные от постоянного недосыпания глаза говорили о сверхчеловеческом напряжении его сил.

«Яков Михайлович, вам бы отдохнуть... Вы утомились и нездоровы», — заметил кто-то из спутников.

«Пустое. Я не устаю и не болею», — коротко отозвался Свердлов.

В Орле, к моменту остановки поезда, на станции собрался митинг железнодорожников по поводу образования Коммунистического Интернационала. Громадные мастерские были битком набиты народом: было тысячи три или четыре, когда Свердлов появился на трибуне. Собрание встретило его единодушными приветствиями и аплодисментами. Он говорил не долго, не более 8-ми или 10-ми минут, но все, что было им сказано, было так ярко, красиво и убедительно.

Он говорил о пролетарской революции, о победах рабочего класса, о Советской власти и о Коммунистическом Интернационале. Своим ясным, чеканным голосом он призывал рабочих к продолжению борьбы и к победе.

В этой последней, яркой, предсмертной речи характерны были для него частые повторения: «Мы знаем». — «Мы знаем, что мировой империализм находится на краю окончательного развала; мы знаем, что Интернационал крови и разрушения уже трещит и

распадается; мы знаем, что Коммунистический Интернационал выйдет победителем в страшной и напряженной борьбе; мы знаем, что за нами победа».

Речь Свердлова подняла настроение слушателей. Бурные овации сопровождали Якова Михайловича до самого выхода.

Но его речь в Орле была последней речью, его лебединою песнью, песнью о воскрешении труда, о братстве трудящихся, об Интернационале.

Он влил бодрость и веру в сердца орловских рабочих, и они никогда не забудут черную фигуру Свердлова, стоявшего над кипящим людским муравейником орловских железнодорожников.

Усталый, в своем неизменном весеннем пальтишке и в кожаной куртке, пронизываемый резким ветром, возвратился Свердлов в вагон. В Москве он крепился весь день, присутствовал на заседании президиума Всероссийского Исполнительного Комитета, терпеливо досидел до конца заседания, пока была исчерпана вся повестка, а ночью еще принимал участие в работах Совнаркома, после чего слег и не вставал.

Никак не верилось, что железная натура Якова, выдавшая Максимкин Яр, Туруханск, испытывавшая холодные ледяные купания в Оби и Кети и Николаевские роты Верхотурья, вдруг свалится с ног, станет добычей жадной смерти, сгорит от воспаления легких и тяжелых приступов испанки. В ту же ночь температура у него поднялась до 40 градусов. Так как воспалительного процесса в легких почти не было, то все надеялись на его выздоровление. Но с каждым днем здоровье его все больше и больше ухудшалось, и ему пришлось совершенно устраниваться от работы на VIII съезде коммунистической партии. Это его страшно тяготило и он бредил съездом и своей работой. Даже начались на этой почве галлюцинации. Яков Михайлович просил Аванесова достать из-под мебели какую-то резолюцию, необходимую для принятия ее на съезде. За полчаса до смерти, к постели Якова Михайловича пришел Ленин; Яков узнал Ильича. Сквозь мучительную боль и проблески жизни, слабая улыбка заиграла на его губах; он хотел было приподняться и что-то сказать Ленину, но тот нежно остановил его, сказав: «Не надо, Яков, лежи спокойно», и умирающий послушно затих. Стояв несколько минут и пожав руку Якова, Ильич вышел из комнаты. По уходе Ильича, больной начал стонать, и через четверть часа жестокая смерть смежила уста товарища Якова.

Слишком велика и незаменима потеря, понесенная пролетариатом; но он останется живым примером для нас, продолжающих великую работу строительства социалистических форм жизни.

и. чок
пер чок

Цена 80 коп.

